

Р. А. Давыдов

**ВЗГЛЯДЫ НА ЭКОЛОГИЮ МОРЯ
И РОССИЙСКО-НОРВЕЖСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
(конец XIX — начало XX века)**

Настоящая публикация продолжает серию статей автора, вышедших в предыдущих сборниках «Скандинавских чтений»¹ и посвященных малоизвестным аспектам российско-норвежских отношений в Евро-Арктическом регионе.

В публикации рассматриваются взгляды на экологию рыб и морских млекопитающих, доминировавшие на севере Норвегии и России в конце XIX — начале XX века, попытки легализации норвежскими зверобоями своей деятельности у российских берегов под видом борьбы с тюленями, наносящими вред не только для норвежского, но и для российского рыболовства.

В конце XIX — начале XX века население севера Норвегии проявляло заметный интерес к вопросам экологии моря. Интерес этот был узконаправленный и сугубо прагматический. Известно, что в конце XIX века китобойный промысел в Норвегии стремительно развивался, как и ориентированная на него перерабатывающая промышленность. Массовое истребление китов совпало с сокращением уловов рыбы в местах традиционных промыслов. Норвежские рыбаки склонны были видеть в этом причинно-следственную связь, вызванную локальным нарушением пищевой (трофической) сети.

Доминировавшие в то время среди норвежских, равно как и среди российских рыбопромышленников Мурмана, взгляды на биологию рыб и морских млекопитающих сводились к следующему. Киты, как треска и другая промысловая рыба, питаются мойвой и мелкой сельдью. Киты подгоняют «стада» идущей на нерест мойвы к берегам, на мелководье, и тем

побуждают треску также держаться близ берегов, что объективно приносит пользу для рыболовов, избавляя их от необходимости удаляться в море. Китов преследуют касатки, присутствие которых в свою очередь заметно уменьшает в местах рыбных промыслов численность тюленей, поедающих рыбу, что опять-таки приносит пользу для рыболовства. Истребление китов, по мнению рыбаков, запускало обратные процессы: у мойвы, мелкой сельди отпадала необходимость «спасаться» от них у берегов; соответственно количество трески здесь уменьшалось, в том числе и из-за увеличения численности тюленей.

Те же норвежцы, чьим основным источником дохода был бой китов и переработка продукции китобойного промысла, видели в подобных убеждениях рыбаков потенциальную угрозу ограничения своей деятельности и потому отказывались принимать ее всерьез. А ученые тогда не могли категорично и убедительно ни подтвердить, ни опровергнуть эти убеждения².

Насколько нам известно, впервые взгляды норвежских рыбаков на экологию моря довел до заинтересованной российской общественности Степан Иванович Барановский. 7 (19) апреля 1880 года он выступил с сообщением с говорящим названием «Борьба в Норвегии между китоловами и рыболовами» на общем собрании Санкт-Петербургского отделения Императорского общества для содействия русскому торговому мореходству, которое потом было опубликовано³. Публикация начиналась так.

«Норвежские поморы⁴ настойчиво ходатайствуют перед своим правительством о защите их от китоловов: эти же последние стараются с своей стороны доказать, что промысел, обогащающий их, безвреден для Норвегии. Для разрешения спора между теми и другими ездил на берега Финмаркена⁵, то есть норвежской Лапландии профессор Сарс⁶, который норвежскому Департаменту внутренних дел представил свое “Донесение о произведенных им весной 1879 года практически-ученых⁷ изысканиях лова мойвы у Финмаркена”. Это донесение, напечатанное безотлагательно, было сообщено представителям народа и правительства в северной Норвегии, которые, собравшись в Вадсэ⁸, 4-го ноября (22 октября) 1879, дали свои отзывы об этом донесении Сарса. Таким образом, подготовлен материал для законодательной деятельности Норвежского Государственного Сейма. <...> Норвежские китоловы, частью вследствие того, что они уже перебили большую часть китов у норвежских берегов, частью опасаясь, что ходатайство норвежских поморов будет уважено норвежским правительством, что приведет к ограничению их хищнического промысла, обра-

тили свое внимание на русские берега Северного океана и нахально обещают в пятнадцать лет перебить всех китов у русских берегов!»⁹

С.И. Барановский сделал достаточно подробный, в десяти пунктах, обзор доклада Сарса. А суть дискуссии норвежских «китоловов и рыболовов» С.И. Барановский, знакомый с основными аргументами сторон из скандинавской прессы, изложил в форме своеобразного диалога спорящих.

«Китоловы лукаво говорят рыбакам: “Вам нужна мойва, а кит поедает мойву, значит, когда мы перебьем всех китов, тем больше мойвы останется для вас”.

Рыбаки же говорят: “Хоть кит и ест мойву, но он и нам помогает ловить ее, а потому кит — не враг, а друг человека-рыбака. <...> От кита получается много пользы; значит, этого животного не надо истреблять, а следует пользоваться им бережно, чтобы эти китовые породы сохранились и для наших потомков”.

А китоловы говорят: “Охота нам думать о потомках! Уж они пускай себе устраиваются как знают, хоть и без китов!”

Рыбаки на это: “Ведь вы сами, китоловы, богатеете от своего промысла; значит, киты составляют часть народного богатства, не хуже, как, например, лошади или коровы, которые едят же траву точно, как киты мойву! А вы хотите истребить народное богатство!”

На это китоловы: “Уж у норвежских берегов это богатство почти перевелось; так вот мы пойдем стрелять китов в русских водах! Там голоса рыбаков, авось, не станут и слушать, а перед администраторами мы будем выставлять себя благодетелями их края, как истребители кита, известного рыбоеда”»¹⁰.

На последние слова из приведенной выше цитаты следует обратить внимание. С.И. Барановский произнес их в докладе в 1880 году и опубликовал в 1881-м. Примерно два десятилетия спустя, в конце 1890-х — начале 1900-х годов, экспансию норвежских китоловов в российские территориальные воды норвежские дипломаты будут деликатно, но настойчиво представлять именно в таком виде — как благодеяние! Но об этом — чуть ниже.

В том же 1881 году, когда в «Трудах С.-Петербургского отделения Императорского общества для содействия русскому торговому мореходству» был опубликован доклад С.И. Барановского, в газете «Кронштадтский вестник» прошла серия публикаций Н.П. Андреева — судового врача со шхуны «Полярная звезда». Судя по наблюдениям Н.П. Андреева, взгляды россиян, промышляющих на Мурмане, на экологию моря принципиально не отличались от взглядов их норвежских коллег.

«Тут впервые мы натолкнулись на тот факт, что при рыбных промыслах на Мурмане огромную роль играют киты. Общезасвидетельствованный факт был тот, что мойва, небольшая рыбка <...>, на которую ловят треску, появляется в больших количествах около берегов только тогда, когда в море показываются киты. Это настолько общеизвестный здесь факт, что промышленники, завидевши китов в море, приготовляются тотчас же к ловле мойвы, которая буквально как бы припирается китами к берегу, отчего нередко даже отходит на отмели. Но где мойва, там и треска. <...> По общему заявлению всех промышленников, мойва составляет любимую пищу китов, от за ней идет и, таким образом, помимо ее воли, заставляет мойву уходить в более безопасное место — мелкие места, где, впрочем, охотно ее ожидает не меньший для нее враг — наш промышленник»¹¹.

Н.П. Андреев, впрочем, не исключал ошибочности распространенных мнений, заметив, что в научном сообществе существуют серьезные сомнения в том, что киты преследуют мойву и та от них «спасается». «Время покажет, правы ли ученые», — заключал Н.П. Андреев¹².

Одновременно с ростом взаимного недовольства между норвежскими рыбаками и китобоями в Норвегии стало расти недовольство норвежских китобоев и особенно зверобоев против российских властей.

26 мая (7 июня) 1893 года крейсер «Наездник» задержал на рейде у Йокангских островов сразу шесть норвежских яхт; впоследствии четверо шкиперов были признаны виновными в промысле тюленей в русских территориальных водах, каждый из них был оштрафован и лишился улова. Тем самым Россия впервые после неудачных и безрезультатных попыток 1881 и 1882 годов продемонстрировала соединенным королевствам Швеции и Норвегии свою решимость охранять свои территориальные воды в морях Северного Ледовитого океана и возможность осуществлять эту охрану¹³. И хотя впоследствии просьбы норвежских шкиперов о помиловании были удовлетворены, и они даже получили денежную компенсацию (!) за конфискованную у них незаконную добычу, норвежские публицисты все чаще стали высказывать возмущение теми препятствиями, которые стали чинить русские власти их соотечественникам на промыслах в так называемых «восточных льдах», после десятилетий фактического бездействия. Несмотря на то что эффективность охраны территориальных вод единственным на Белом и Баренцевом морях русским военным судном была сомнительной, норвежцы стали разрабатывать новые сценарии для обеспечения безопасного, легального присутствия и промысла в «восточных льдах». Вспомнили об экологии и о том, что тюлени едят рыбу.

Во второй половине 1890-х годов норвежская сторона предпринимала неоднократные попытки узаконить промыслы тюленей в «восточных льдах», воздействуя, в частности, через консула королевств Швеции и Норвегии в Архангельске на губернатора А.П. Энгельгардта.

Норвежская сторона приводила следующую аргументацию. Тюлени — это зло для рыбаков, независимо от подданства последних. Промысел тюленей, помимо того, что выгоден сам по себе, еще и ограничивает численность тюленей, способствуя увеличению численности трески, что идет во благо рыболовства. Поэтому российские власти, препятствуя норвежцам промысливать тюленей у своих берегов, поступают недальновидно. Следует, наоборот, как можно скорее разрешить этот промысел и содействовать ему. Российская казна сможет сэкономить (!) на том, что откажется от ежегодной отправки с Балтики на Север и обратно своего крейсера. Норвежские зверобой будут готовы совершенно бесплатно (!) истреблять вредного зверя вблизи русских берегов. Более того, они даже могут включить в состав команд некоторое количество русских, чтобы научить их рациональной организации промысла. Российские власти, тем не менее, в этих заманчивых с норвежской точки зрения предложениях и трогательной заботе о российской казне увидели лишь корыстный интерес иностранцев, истребивших «рациональными» приемами тюленей в местах своих промыслов и собирающихся сделать то же самое у берегов России под видом «благотворительности». Переговоры на эту тему тогда так и остались безрезультатными.

Ниже мы приведем довольно длинную цитату из рукописи сотрудника Департамента внутренних сношений МИД России Александра Николаевича Бурнашева, озаглавленной «Очерк торгово-промышленного положения Севера Европейской России». Материалы для него были собраны А.Н. Бурнашевым во время пребывания на севере Норвегии, куда он был впервые прикомандирован в 1895 году «на летнее время» в помощь работавшему в Северной Норвегии консулу Владимиру Александровичу Березникову. Впоследствии В.А. Березников официальным и частным порядком сообщил в МИД о благоприятном впечатлении, которое произвела на него деятельность его помощника¹⁴.

Очерк А.Н. Бурнашева, насколько нам известно, не был опубликован; машинописный текст его сохранился в Архиве внешней политики Российской империи¹⁵.

«В первый же год крейсерства “Наездник” задержал пять норвежских зверобойных судов, заподозренных им в производстве промыслов в наших водах. Добыча была конфискована на основании заключения эксперта,

зоолога Книповича, признавшего, что оказавшиеся в добыче шкуры принадлежат молодым, не покидающим лежек тюленям, которые могли быть убиты лишь на плавающих льдах Белого моря. По этому поводу в местных газетах появились резкие нападки на командира крейсера. Вполне закономерные действия его назывались морским разбоем <...>, причем старательно доказывалось норвежскими специалистами, что жизнь полярных животных еще недостаточно изучена, а потому никто не может по внешнему виду отличить беломорского тюленя от всякого другого. <...>

Между тем хищническое истребление норвежцами зверя привело в последнее время к опустошению лежек у берегов Нью-Фаунленда, Ян-Майена, Шпицбергена <...>. Поэтому норвежцам стало необходимо добиться свободного допуска в наши воды <...>. Норвежцы, ободренные тем, что наше правительство в том же 1895 году возместило им стоимость конфискованной в 1893 году “Наездником” добычи, решило воспользоваться фактом появления тюленей у берегов Мурмана и соседнего Финмаркена, чтобы склонить Россию открыть им свои воды для звериных промыслов. Конечно, причины и последствия этого факта норвежцы умышленно исказили. Не стесняясь тем, что не далее как в 1893 году они доказывали, что жизнь полярных животных еще слишком мало исследована, что в Белом море нет особой породы тюленей, что одни и те же звери водятся и плавают на ледяных пространствах всего Северного океана, норвежцы теперь стали утверждать, что тюлени приходят сюда именно из Белого моря. <...> Норвежцы старались убедить нас, что причиной тому служит наш же крейсер, не допускающий их бить вредного для рыбных промыслов зверя, который, таким образом, свободно размножается в Белом море.

Некоторые газетные статьи предлагали международное соглашение с Россией, по которому мы пустили бы их к себе бить зверя, а взамен получили бы право промысливать в норвежских водах рыбу. Едва ли кто станет сомневаться, что фактически мы не получили бы никакой выгоды от такого соглашения. Другие газеты увлекались до того, что стали требовать отмены нашего крейсерства и свободного допуска норвежцев в наши воды, говоря, если Россия сама не хочет или не может истреблять вредных зверей, наносящих убытки не только русским, но и норвежским рыбным ловлям, то норвежцы имеют нравственное право требовать открытия для них наших вод.

Вопрос об убытках, приносимых тюленями рыбным ловлям, при внимательном к нему отношении, приводит к убеждению, что норвежские рыбные промыслы если и страдают от хищного зверя, то в самой незначительной степени. <...>

Между другими статьями небезынтесным является помещенное в одной издающейся в Тромсё¹⁶ газете и без комментариев перепечатанное во многих других изданиях письмо зверопромышленника шкипера Гансена, который, между прочим, восклицает: “Что сделали мы русскому, что он старается помешать нам, норвежцам, продолжать промысел, которым мы в течение многих годов невозбранно занимались”. Это наивное письмо заслуживает внимания как первое откровенное признание норвежским зверопромышленником факта нарушения наших территориальных прав, в чем никто из них не сознавался открыто до последнего времени.

Впрочем, это положение было признано на собравшейся летом в 1896 году в Вадсэ сходке рыбаков, на которой доказывалось, что появление тюленей у берегов Финмаркена происходит от увеличения их запаса в Белом море вследствие “прекращения производившихся там прежде норвежцами промыслов”¹⁷. Тут же было решено просить норвежское правительство обратить внимание России на этот вопрос, с указанием, что замечаемое за последние годы значительное увеличение числа тюленей, приходящих к берегам Мурмана и Финмаркена, объясняется, по-видимому, неумением наших зверобоев вести “рациональный” промысел.

Относясь отзывчиво ко всем нуждам своих граждан, королевское правительство не замедлило обратиться за разъяснением к профессору зоологии Сарсу, который, по совещании с профессором Коллетом, высказал, что настоящий вопрос еще недостаточно изучен, чтобы можно было ныне же вступить по поводу одного в дипломатические переговоры с Россией. Ввиду этого Департамент внутренних дел (? — Р.Д.) поручил шведско-норвежскому генеральному консулу в Архангельске собрать сведения о богатстве тюленьих лежек в Белом море.

Узнав еще в Гаммерфесте¹⁸, что генеральный консул <...> вступил в переговоры с архангельским губернатором относительно допущения норвежцев промышленять зверей в Белом море, я решил, возвращаясь в 1896 году в министерство из командировки, проехать через Архангельск, чтобы ближе ознакомиться с положением этого важного для нашей северной окраины вопроса. Приехав в Архангельск 25 сентября, я не застал губернатора в городе. От норвежского генерального консула Фальсена я узнал, что он имел неоднократное совещание о морских звериных промыслах с А.П. Энгельгардтом, который вызвал в Архангельск г. Сернсена, норвежского рыболовного инспектора, специально для переговоров по означенному вопросу.

По словам г. Фальсена, изложенные им и г. Сернсенем соображения о пользе, которую допущение норвежских зверобоев в наши воды может

принести России, были признаны г. Энгельгардтом несомненными. Норвежский генеральный консул говорил, будто бы губернатор собирается исходатайствовать себе с С.-Петербурге полномочие на допущение норвежских промышленников в Белое море, по личному усмотрению, для пробы, на время от одного до трех лет.

Все эти соображения, который генеральный консул не преминул перечислить мне, сводятся к следующему: норвежцы хлопочут получить доступ в наши северные воды, собственно [в] Белое море, для свободного производства звериных промыслов. При этом норвежцы согласны не только безвозмездно истреблять вредного зверя, но и допустить наших поморов к участию в этих промыслах, то есть чтобы в состав команд их промысловых судов входили и русские зверобои, которые будут получать часть добычи и учиться “рациональному” звериному промыслу. Таким образом, наши мурманские рыбные промыслы будут охранены от хищного зверя, русские зверобои будут обучены “рациональным” приемам промысла, а одно русское военное судно будет освобождено от суровой крейсерской службы у мало описанных берегов.

Трудно поверить, что бы кто-либо мог серьезно отнестись ко всем этим шитым белыми нитками предложениям — кто-либо, а тем более А.П. Энгельгардт, во всеподданнейшем отчете которого мы читаем: “Благодаря правительственным мерам в скором времени будет, несомненно, положен конец хищнической деятельности в наших северных водах иностранных промышленников, безнаказанно, в течение многих лет нарушавших существенные интересы приморского населения Архангельской губернии”¹⁹.

За последние два года взгляд А.П. Энгельгардта в этом отношении не изменился <...>²⁰.

Одновременно с убеждениями российских дипломатов и чиновников в пользу уничтожения тюленей у русских берегов в Белом море норвежская пресса развернула кампанию по устрашению населения голодом из-за злобных «русских» тюленей, поедающих треску и лишаящих норвежских рыбаков и их семьи средств к существованию. В миграции тюленей именно из Белого моря даже не принято было сомневаться (еще одна малоизвестная вариация на популярную в Скандинавии тему «русской угрозы!»). Скандинавские публицисты, склонные к эпатажу, не стеснялись в выражениях: «Несметная неприятельская армия пересекла нашу северо-восточную границу и вторглась в Финмаркен, разоряя и опустошая нашу северную область!»; «Северной Норвегии грозит гибель!»; «Вся страна в опасности!»; «Правительство немедленно должно снарядить на север не

только свои собственные военные суда с митральезами, но заручиться также и помощью других держав для совместного отражения хищнического нападения врага» и т.п.²¹

Официальной реакции России на поток этих публикаций не последовало.

* * *

Таким образом, в опыте российско-норвежских отношений есть прецеденты использования норвежской стороной экологической тематики при попытках обоснования экспансии в российские территориальные воды, а также легализации незаконно ведущегося зверобойного промысла. При этом средства массовой информации Норвегии манипулировали общественным мнением, сводя воедино русофобский миф об «угрозе» для Северной Норвегии и научно не обоснованные, хотя и доминировавшие в конце XIX–XX века среди норвежских рыбаков взгляды на экологию моря.

* * *

¹ Давыдов Р.А. Семужий промысел российских лопарей в Норвегии (XIX — начало XX века) // Скандинавские чтения 2002 года. Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб., 2003. С. 127–138; *Он же*. С.С. Джунковский и его деятельность по распространению католицизма на Севере Европы в 1850-х годах // Скандинавские чтения–2006 / отв. ред. И.Б. Губанов, Т.А. Шрадер. СПб., 2008. С. 515–529; *Он же*. Православная церковь для норвежского города Вардё // Скандинавские чтения 2008 года / сост. Т.А. Шрадер. СПб., 2010. С. 221–255; *Он же*. Народные волнения в Северной Норвегии, слухи о русской угрозе и массовой измене норвежцев в пользу России (по донесениям русского консула О. Визеля лета 1903 года) // Скандинавские чтения 2010 года. Этнографические и культурно-исторические аспекты / отв. ред., сост. Т.А. Шрадер. СПб., 2012. С. 332–346.

² Современные взгляды ученых на эти вопросы мы не здесь рассматриваем.

³ Барановский С.И. Борьба в Норвегии между китоловами и рыболовами // Труды С.-Петербургского отделения Императорского общества для содействия русскому торговому мореходству за 1880 год (с 10 марта 1880 по 9 января 1881 года). СПб., 1881. С. 38–46.

⁴ Как видно из контекста, речь идет о норвежских рыбаках.

⁵ В современной русской орфографии — Финмарк (Finnmark). В цитатах сохранена орфография оригинала.

⁶ По всей видимости, имеется в виду Georg Ossian Sars (1837–1827).

⁷ Сейчас бы сказали «научно-практических».

⁸ В современной русской орфографии — Вадсэ (Vadsø).

⁹ Барановский С.И. Указ. соч. С. 38.

¹⁰ Там же. С. 39–40.

¹¹ *Андреев Н.П.* Крейсерство у Мурманского берега // Кронштадтский вестник. 1881. 13 сент.

¹² Там же.

¹³ *Давыдов Р.А.* Российский опыт определения границ территориальных вод и охраны морских ресурсов в Евро-Арктическом регионе (1860-е — начало 1910-х годов). Архангельск, 2009. С. 65–73.

¹⁴ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 155. Оп. 445. Д. 33. Л. 7–7 об.

¹⁵ Там же. Д. 34.

¹⁶ В современной русской орфографии — Тромсё (Tromsø).

¹⁷ Донесение консула Березникова от 20 июня / 2 июля 1896 года № 58. — *Прим. А.Н. Бурнашева.*

¹⁸ В современной русской орфографии — Хаммерфест (Hammerfest).

¹⁹ Приложение к всеподданнейшему отчету архангельского губернатора о состоянии Архангельской губернии за 1893 год. С. 26. — *Прим. А.Н. Бурнашева.*

²⁰ АВПРИ. Ф. 155. Оп. 445. Д. 34. Л. 24–30 об.

²¹ Нашествие тюленей // Русское судоходство. 1903. № 3. С. 174–177.